

Ну что, брат Гоголь?

«МЕРТВЫЕ ДУШИ»
В СВЕРДЛОВСКОМ ТЕАТРЕ МУЗКОМЕДИИ
аплодирует Кася Попова

ВИТАЛИЙ ПУСТОВАЛОВ

ВИТАЛИЙ ПУСТОВАЛОВ

ВИТАЛИЙ ПУСТОВАЛОВ

ВИТАЛИЙ ПУСТОВАЛОВ

НАД «МЕРТВЫМИ ДУШАМИ» постановочная группа работала с упоением, потому у музыкальной комедии получился не спектакль, а именины сердца. В нем есть все, что надо знать о Гоголе: авторы отдистиллировали вечное, разное и доброе — то, что, собственно, и делает Николая Васильевича классиком.

Народ, который все знает, говорит, что Бог троюбокого любит. «Мертвые души» — третья совместная работа режиссера Кирилла Стрежнева, композитора Александра Пантыкина, поэта Константина Рубинского и дирижера Бориса Нодельмана. «Храни меня, любимая» и «Силиконовая дура», без сомнения, хороши, но их премьеры уже миновали. В новой постановке театр — первопроходец, без устали развивающий жанр музыкального спектакля — шагнул, как кажется, вовсе за горизонт, оставив за флагом конкурентов.

Сейчас не особенно интересно смотреть на Гоголя, поставленного буквально, в традициях психологического театра, — таких постановок пруд пруди. Стрежнев и компания подошли к классике с позиций постмодернизма, сделали спектакль не по букве, а в духе. Сюжет спектакля естественно вырастает из почвы полного собрания сочинений, пышно ветвится и дает плоды, сохраняя при этом все до единого отличительные качества гоголевского мира — уморительно смешного, проникнутого духом мистицизма, патриотизма, критического реализма и так далее, по тексту Белинского.

Эту авторскую позицию буквально выносит на сцену Селифан (Павел Дралов): «Я духом книги напитаюсь», — он не расстается с настоящим, не бутафорским, томом «Мертвых душ». Именно Селифан мучительно пытается ответить на сакраментальный вопрос, куда несется птица-тройка, — вопрос, по определению, не имеющий ответа; поэтому его образ и получился наиболее трагичным в этой комедии. Хотя заниматься классификацией в данном случае дело неблагодарное и нелегкое, поскольку по сцене бродят зомби (Собакевич — Михаил Шкинев), а губернаторская дочка (Мария Виненкова) занимается фальшивомонетничеством и на пару с Чичиковым отправляется по стопам Бонни и Клайда. Авторы определили жанр спектакля как «гоголь-моголь», весьма точно описав вектор развития как спектакля, так и отдельных сцен, подчиненных ускорению Кориолиса.

В целом Стрежнев со товарищи поднялись и гордо реют над обыденным сознанием: они создали миф о Гоголе. Владимир Смолин играет, скажем, не конкретную Коробочку, вдову с бородавкой, а — архетип, общие черты всех Коробочек когда-либо существовавших на белом свете и еще

только грядущих: видел Смолина — считай, видел всех. Для такой системы координат утрированная пластика артистов, карикатурные костюмы необходимы и естественны.

Город N, где происходит действие, стилизован под «мейерхольдовщину». Артисты двигаются по законам биомеханики среди динамических декораций, а наряды превращают цвет чиновного люда в шарик на ножках. В сценографии Сергея Александрова можно отыскать отсылки к оформлению Малевичем «Мистерии-буфф» или к «Монти Пайтону». А созданный им на сцене туннель вообще противоречит законам физики: он чувствительно расширяет пространство сцены, как кажется, на квартал к востоку.

Вообще цитат — как прямых, так и не очень — как и положено в постмодернистском произведении, множество. Наиболее цитируемый автор, конечно, Гоголь: «я тебя породил», «панночка померла» и прочие фразы, закрепившиеся уже, как кажется, в подкорке. Первенство по выразительности держит утверждение Ноздрева о том, что «редкая лошадь долетит до середины Днепра». На мой взгляд, это лучшая роль Владимира Алексева. Он убедителен и роскошно-обаятелен — подобно газу, он быстро распространяется на все сценическое пространство, так что поневоле задумаешься, не из-за ноздревых ли у нас все беды, начиная от дураков и заканчивая дорогами.

В музыкальном материале чуткое ухо выхватывает фразы то из «Призрака оперы», то из киномузыки к «Красной Шапочке», то из «Лысой горы» Мусоргского, то из Jesus Criste. «Обрывки мелодий тонут, вырываются, снова исчезают. Если композитору случается попасть на дорожку простой и понятной мелодии, то он немедленно, словно испугавшись такой беды, снова бросается в дебри музыкального сумбура», — пожелтевшую вырезку из газеты с этой статьей Дмитрий Шостакович всегда носил при себе до конца жизни. Критик достаточно точно описал особенности и произведения Пантыкина.

О юморе там, впрочем, ничего не говорилось, а это едва ли не главная черта всего музыкального ряда. Его обеспечивает, в частности, участие в постановке артистов с классическим вокалом. Любимцем публики стал Вадим Желонкин — капитан-исправник Дормидонтов, уже после второго его появления на сцене с навязанным Гайдном оперным речитативом зрители выползают из кресел от смеха. Безупречное качество обеспечила вокальный руководитель постановки Елена Захарова.

Актёрские работы заслуживают только восхищения. Любая, даже эпизодическая — выполнена настолько вкусно, что по завершении спектакля хочется бежать к черному ходу театра и забрасывать трупку цветами. Да что говорить, «Мертвые души» удались.

Театр музыкальной комедии / в этом сезоне